

УДК 94:314.15(470+571)

Почвенно-ботанические исследования в Енисейской губернии в период столыпинской аграрной реформы

С.А. Сафронов

Сибирского федерального университета, пр. Свободный, 79, Красноярск, Россия
Safronow63@mail.ru

Статья поступила 18.04.2016, принята 13.06.2016

Рассматривается важный элемент переселенческой политики П.А. Столыпина — исследование районов Енисейской губернии, не подвергшихся массовой колонизации до 1906 г., где предполагалось размещать крестьян, переселявшихся из Европейской России. Почвенно-ботанические экспедиции под руководством Л. Кремера, И.А. Шульги, Н.В. Благовещенского, Д.А. Драницына и др. выявили ряд незаселенных местностей в труднодоступных, удаленных и северных районах Енисейской губернии, более или менее пригодных для образования переселенческих участков и дальнейшей сельскохозяйственной колонизации.

Ключевые слова: столыпинская аграрная реформа; почвенно-ботанические экспедиции; переселение; Енисейская губерния.

Soil and botanical research in Yenisei province during the Stolypin agrarian reform

S.A. Safronov

Siberian Federal University; 79, Svobodny ave., Krasnoyarsk, Russia
Safronow63@mail.ru

Received 18.04.2016, accepted 13.06.2016

The article deals with an important element of the resettlement policy, conducted by P.A. Stolypin, which is the study of the areas in Yenisei province that were not colonized on a massive scale until 1906; and where the peasants, migrated from the territory of European Russia, were supposed to be allocated. A number of soil and botanical expeditions under the leadership of L. Kremer, I.A. Shulga, N.In. Blagoveshchensky, D.A. Dranitsyna and others have identified some unpopulated areas in inaccessible, remote, and Northern areas of Yenisei province, being more or less suitable for the resettlement sites and further agricultural colonization.

Key words: the Stolypin agrarian reform; soil and botanical expeditions; relocation; Yenisei province.

Массовый приток переселенцев в Сибирь, который начался в период аграрной реформы П.А. Столыпина, потребовал масштабной подготовительной работы, предварявшей непосредственное заселение новых территорий. Проблема состояла в том, что «под напором поднявшейся переселенческой волны стали отводить земли в малознакомых местах». Сам П.А. Столыпин отмечал: «Границы заселяемых земель постоянно расширяются. Постепенно доходит экономическая очередь заселения до пустынных районов».

Все это возлагало на Переселенческое управление обязанность организации исследований данных местностей с тем, чтобы существенно облегчить переселявшемуся крестьянству возможность завести там свое хозяйство [1].

Целью почвенно-ботанических исследований, проводившихся на территории Азиатской России, было следующее:

1) составление для всех губерний и областей Сибири «схематических почвенных карт, где были бы выделены границы свое-

образных областей, то есть отличавшихся друг от друга в почвенном отношении»;

2) создание для каждой сибирской губернии и области «классификации встречавшихся в ее пределах почвенных типов и различий с подробной характеристикой таковых со стороны внешних признаков и внутренних свойств»;

3) образование коллекций образцов «главнейших почвенных типов», а также составление «более детальных карт, иллюстрировавших характер почвенного покрова отдельных почвенных областей (зон)», которые должны быть помещены в местные музеи;

4) создание «общей сводки всех данных о почвах в Сибири с иллюстрацией этой сводки картами, фотографиями, анализами» [2].

В Енисейской губернии почвенно-ботанические исследования стали проводиться практически одновременно с провозглашением аграрной реформы П.А. Столыпина. Так, уже в самом начале 1907 г. производителю работ Иркутской поземельно-устроительной партии Л. Кремеру и агроному И.А. Шульге было поручено «составить записку и разработать смету по учреждению особых геоботанических экспедиций, которые должны были явиться опытом более тщательного, чем какое практиковалось раньше, изучения качества и емкости колониального фонда» Енисейской губернии. Данная записка была представлена Особому совещанию, где председателем был начальник Переселенческого управления, а в качестве членов состояли сотрудники Ученого комитета Главного управления землеустройства и земледелия профессора Броунов и Коссович, ревизор по образованию переселенческих участков Успенский, чиновник особых поручений Переселенческого управления Тейтель и др.

На данном совещании «окончательно определена в схематическом виде программа предстоявшей деятельности». Выяснилось, что петербургских чиновников прежде всего интересовало «изучение в естественно-историческом и отчасти в экономическом отношениях некоторых таежных районов» Енисейской губернии, которые находились на юге (в Минусинском уезде) и на севере (в Енисейском уезде). Целью данных исследований являлось «выяснение пригодности

для сельскохозяйственных культур и колониальной емкости земель, несколько удаленных» от существовавших на тот момент населенных пунктов. Для достижения этих целей решено было уже летом 1907 г. направить в указанные районы почвенно-ботанические экспедиции. Для обработки собранных материалов согласно циркулярному предписанию Переселенческого управления за № 7202 от 17 марта 1907 г. было решено создать специальную почвенную лабораторию в Красноярске.

«Южную» экспедицию возглавил Л. Кремер. Район ее деятельности находился в Восточной части Минусинского уезда и граничил на западе «с заселенными местами», на востоке — с Иркутской губернией и Китаем, на севере — «с Кано-Мано-Кизирским „белогорьем“, переходящим в Канский уезд», на юге — с Усинским пограничным округом. Работами экспедиции был охвачен район общей площадью свыше 2 млн дес. (весь бассейн р. Тубы, за исключением части правого берега р. Кизир). По этой территории членами экспедиции Л. Кремера было пройдено 2 100 верст, из которых 600 верст преодолено непосредственно самим караваном экспедиции, а 1 500 верст — ее отдельными группами. В составе экспедиции было 13 человек (заведующий, три геоботаника, три проводника, шесть рабочих) и 33 лошади (13 верховых, 17 вьючных и три запасных).

Экспедиция Л. Кремера сделала вывод о том, что район, который они исследовали, являлся «редко непригодным для заселения по причине бесплодных каменистых почв, болот, значительной высоты местности, развития крутых склонов, покрытых то густой кедрово-пихтово-еловой тайгой, то россыпями». Однако из всего сравнительно большого пространства, «непосредственно изрезанного маршрутными линиями... был выделен ряд отдельных участков», имевших «нормальное соотношение в составе входящих в них удобных и неудобных земель общей площадью свыше 200 тыс. десятин» [3].

Нужды массовой колонизации вызвали к жизни и идею заселения южной части северного Енисейского уезда Енисейской губернии, тем более что точных сведений об этой территории практически не было. На-

пример, «карты... подходя к таежным районам, начинали приобретать более или менее фантастический характер». Поэтому ни в Санкт-Петербурге, ни на местах не могли сделать правильных выводов о возможности заселения данного района. Между тем «заправили Енисейского Переселенческого управления, горящие желанием идти навстречу "видам и предположениям" правительства... старающегося разрешить всероссийское земельное утеснение энергичной колонизацией огромных пустующих пространств Сибири», решили передвинуть линию массовой колонизации к северу [4].

Впервые мысль о колонизации территории, расположенной в бассейнах р. Чуны и Ангары, возникла на одном из заседаний, проходивших под председательством иркутского генерал-губернатора в 1906 г. На этом заседании начальник Томского водного округа, делая доклад о путях сообщения, впервые упомянул о возможности заселения юга Енисейского уезда. В ответ на это, испытывая значительную потребность в свободных землях для колонизации, тогдашний заведующий переселенческим делом Енисейско-Иркутского района Н.Н. Сергеев в 1907 г. по собственной инициативе снарядил и отправил туда экспедицию [5].

Эта экспедиция, которой руководил производитель работ Шер, решила организовать свою работу на строго научной основе и исследовать данную местность всесторонне, а не только в плане возможности переселения. Верхом, пешком и частично на лодках были обследованы бассейны р. Бирюсы, Оны, Чуны, Муры, Ковы и Ангары. Из анализа собранных материалов был сделан вывод, что район между станцией Тайшет и д. Дворец на р. Ангаре уже был более или менее заселен (41 поселок с 10 000 душ обоего пола) и что как характер, так и климатические условия вполне пригодны для сельскохозяйственных целей. Правда, на всей этой огромной обследованной площади экспедиция Шера смогла найти лишь 10 участков, пригодных для немедленного заселения, все остальные площади были покрыты густой тайгой. Заключение этой экспедиции вместе с экспонатами, вывезенными из Чуно-Ангарского района, в том же 1907 г. были продемонстрированы посетившему Енисей-

скую губернию главноуправляющему землеустройством и земледелием князю Б.А. Васильчикову, который 8 июля 1906 г. сменил на этом посту А.С. Стишинского. Одновременно были высказаны сомнения в правильности выводов экспедиции Шера. В результате намечавшиеся в 1908 г. большие работы по образованию переселенческих участков в Чуно-Ангарском районе были свернуты и производились в ограниченных размерах, в качестве «необходимого первоначального практического опыта». Для проверки же заключения Шера в этот район были посланы две группы исследователей: в юго-восточную часть Енисейского уезда направилась экспедиция под руководством производителя работ И.А. Шульги, в юго-западную — Н.В. Благовещенского.

Экспедиция И.А. Шульги в течение двух летних сезонов 1908 и 1909 гг. обследовала район площадью примерно 45 000 кв. верст. Из-за отсутствия подробных карт территории (в наличии имелись только сорока- и стоверстные карты Генерального штаба) параллельно с исследованием почв и климата приходилось вести глазомерную съемку местности. В результате данная экспедиция обошлась в 23 500 р., то есть расход на единицу обследованной площади составил 52 коп. на версту, или 0,5 коп. на дес.у. Для производства топографической съемки в распоряжение экспедиции И.А. Шульги местным Переселенческим управлением был откомандирован опытный топограф И.И. Бердников [6].

По мнению И.А. Шульги, сложившемуся после обработки данных средних температур, обследованную им местность надо было отнести к району с полярными условиями. Кроме того, И.А. Шульга отметил, что местное хозяйство носит специфический характер и является переходной стадией от охотничье-кочевого к земледельческому. По его подсчетам, площади березняков, то есть территории, более или менее пригодной для заселения, составляли всего лишь около 100 тыс. дес. (8 участков), из которых 85–90 тыс. дес. были заняты густыми березняками и только 7 тыс. дес. — редкими зарослями.

Экспедиция производителя работ Н.В. Благовещенского в 1908-1909 гг. занималась поиском свободных для заселения земель в

юго-западной части Енисейского уезда. Этой экспедицией были открыты так называемые Карабульские гари площадью до 300 тыс. дес. По словам самого Н.В. Благовещенского, к моменту их обнаружения они «уже успели порости молодым березняком, а кое-где — осинником, лиственницей, среди которых возвышались отдельные “стержни” — стволы старых обгорелых лиственниц». По его мнению, наиболее широко распространенной почвой здесь были подзолистые суглинки, но как лес, так и травяной покров развивались удовлетворительно. Н.В. Благовещенский считал, что по своим естественно-историческим условиям Карабульские гари были вполне пригодны для колонизации, если бы не климатический фактор. В целом же Н.В. Благовещенский сделал вывод, что на Карабульские гари могли быть заселены 30 тыс. чел. обоего пола.

Более поздние исследования князя Хованского и производителя работ Брызгалова подтвердили правильность заключений экспедиций Н.В. Благовещенского по вопросу почвенных условий, с той лишь разницей, что, по мнению Хованского и Брызгалова, подзоленность почв там была распространена не слишком широко и не мешала развиваться на Карабульских гарях древесной растительности и травяному покрову.

Энтузиасты усиленной земледельческой колонизации Енисейского уезда делали вывод, что главной трудностью в этом процессе являлись не почвенные или климатические условия, а экономические возможности, зависящие от степени доступности культивации Карабульских гарей. Сторонники «северного» переселения не теряли оптимизма, считая, что достаточно проложить до Карабульских гарей хорошие дороги, повысить денежные ссуды на домоустройство, построить несколько новых факторий, и в течение 5–10 лет эту территорию можно будет заселять.

Между тем летом 1910 г. почвенно-ботанические исследования были проведены в Западном Заангарье экспедицией Д.А. Драницына. Данный район располагался между 58° и 62° северной широты и 65° и 69° восточной долготы (от Пулкова) и составлял площадь в 9 млн дес. (средняя часть водораздела Подкаменной Тунгуски и Ангары).

По итогам этих исследований Д.А. Драницын сделал вывод о том, что данный район «носил горный характер местности». Почвенный же «покров местности был достаточно однообразен, причем по мере движения к северу можно было отметить общее ослабление интенсивности почвообразовательных процессов». Самым распространенным там был «подзолистый» тип почвы. Что же касается климата, то, судя по выводам, сделанным Д.А. Драницыным, он плохо подходил для сельскохозяйственной колонизации этой территории. Например, по его мнению, «чем далее на восток», тем больше в данной местности складывались «благоприятные условия для застоя самого тяжелого, холодного воздуха... продолжительная суровая зима сменялась коротким, относительно жарким летом при преобладающих во время него осадках». Значительная часть Западного Заангарья, по предположениям Д.А. Драницына, находилось «в области вечной мерзлоты» (что отличалось от мнения многих тогдашних ученых). Более того, «вне болот почвенная мерзлота появлялась даже в южной части района», в средней части этой территории вечная мерзлота «присутствовала не только в понижениях — она поднималась и на хребты» [7].

Однако в Санкт-Петербурге «не могли поверить, что в обширной малонаселенной Сибири не было свободных земель». Там не хотели «знать никаких резонов: им колонизационный фонд подавай». Поэтому переселенческое начальство Енисейской губернии и «пускалось на авантюры». По мнению же многих специалистов переселенческого дела, «для всякого, даже поверхностно знакомого» с районом р. Ангары и верхнего течения р. Подкаменная Тунгуска было «совершенно ясно, что край этот... для колонизации его российскими переселенцами абсолютно непригоден». Все более или менее удобные земли в данной местности к началу столыпинской аграрной реформы уже были захвачены ангарскими старожилами, «которые в иных местах уже начинали жаловаться на недостаток земельных угодий». Поэтому переселенцы, попадая на такие участки и «побившись год-другой, бежали с этих участков, возвращаясь на родину или пополняя кадры нищих и безработных».

Тем не менее, местные переселенческие власти прилагали все «силы-меры», чтобы скрыть от общественности те научные данные, которые не соответствовали их взглядам на возможность «северного переселения». Иногда дело доходило до абсурда. Например, в декабре 1910 г. И.И. Бердников, один из участников экспедиции 1910 г. в Западное Заангарье, решил сделать об этом доклад в Красноярском подотделе Русского географического общества. На этом докладе присутствовал и заведующий переселением в Енисейской губернии С.Ю. Григорьев. Во время чтения доклада И.И. Бердниковым С.Ю. Григорьев «самолично перевернул вперед несколько страниц (в которых содержались «ненужные» данные. — *Прим. авт.*), приведя этим в недоумение публику и повергнув в смущение докладчика, у которого не хватило гражданского мужества и авторского самолюбия прочесть запрещенное». И.И. Бердников, видимо, желая довести дело до конца, назначил на 29 января 1911 г. новое чтение доклада, однако после беседы с С.Ю. Григорьевым отменил его «по независимым от устроителей причинам». Через какое-то время часть этого доклада оказалась таинственным образом в распоряжении местной газеты «Сибирский край», где и была опубликована в № 12 за 1911 г. Однако дело для переселенческого начальства закончилось вполне благополучно: пресловутый доклад оказался «в тиши начальнического кабинета, скрытый от глаз общества, недоступный свободной критике».

Вместе с тем следует отметить, что Переселенческое управление Енисейской губернии интересовало не только земли северного Енисейского уезда. Так, в 1910 г. было продолжено дело, начатое экспедицией Л. Кремера — почвенные исследования Минусинского уезда. С 25 мая по 15 сентября 1910 г. там работала экспедиция почвоведов Л.И. Прасолова и его помощника Н.Д. Емельянова. По плану работ обследованию подлежали три района:

1) инородческие земли ведомства Абаканской инородческой управы в северо-западной части Минусинского уезда (313 438 дес.);

2) инородческие земли Кызыльской инородческой управы Ачинского уезда (267 075 дес.);

3) казенная «горнолесная» дача «Юсо-Урюпский заказник» Ачинского уезда.

Исследования в первом и третьем районах проводил непосредственно сам Л.И. Прасолов, а во втором районе (с 25 августа по 15 сентября) — его помощник Н.Д. Емельянов [8].

По итогам исследований в отношении вышеуказанных земель были сделаны следующие выводы:

1) район Абаканской инородческой управы имел «характерные черты сухой области с внутренними бессточными бассейнами... незначительными пересыхающими речками, редкими ключами, обилием соленых озер и совершенно сухих впадин». Воздушные течения, переходя через Кузнецкое Алатау, являлись «не столько влагоносными, сколько суховейными». При этом долины там были «наиболее засушливыми местами». Почвы, по мнению Л.И. Прасолова, были маломощными, а также «частью засоленными», то есть «решительно непригодными для хлебопашества при обычных условиях». Земледелие там было возможно только «при некоторых мелиорациях, например, отводе высокостоящих и засоляющих почвы вод и при орошении». Вместе с тем, «многие долины представляли большую ценность из-за расположенных на них лугов (по Чулыму и Белому Юсу, по Сону у Бейбулука), а также как места для усадеб и водопоев»;

2) земли Кызыльской инородческой управы имели «большое разнообразие почвенного покрова», которое усиливалось «различиями климатического характера в различных частях района, связанными с высотными данными». С «сельскохозяйственной точки зрения... восточная часть управы лишена была сколько-нибудь пригодных для хлебопашества земель и являлась наименее ценной для населения». В центре «южной части до долины Черного Юса имелось немало пашен, принадлежавших инородцам». На юго-западе Кызыльской управы находились в основном леса, поэтому данная территория «игнорировалась местным населением в качестве пахотной земли и служила лишь местом покосов». На севере этого района «мест-

ное население давно... занималось... в широких размерах хлебопашеством»;

3) в «Юсо-Урюпском заказнике горный рельеф, сплошные леса, каменистый грунт... очень мало обещали в смысле пригодности его для земледелия». Одновременно был сделан вывод о том, что нельзя было «отрицать вполне возможность земледелия на встречающихся здесь ровных местах в долинах и по склонам с мягкими суглинистыми почвами того или иного типа после расчистки леса или на гарях» [9].

Также в 1911 г. почвоведу Н.В. Благовещенскому было поручено (в целях возможной колонизации) «определить северную границу распространения черноземных почв в Канском уезде Енисейской губернии и затем рекогносцировочно обследовать долину р. Кана и его верхних притоков». По итогам данной экспедиции был сделан вывод о том, что этот район «представлял большое разнообразие как по характеру своего рельефа, так и по слагавшим этот рельеф горным породам, по развитым на них почвам и по покрывающим его растительным формациям». Наиболее удобными для ведения сельского хозяйства, по его мнению, были те районы, где уже находились поселения старожилов. В незаселенных же областях «почвы были развиты в немногих местах» [10].

Определенная работа, направленная на изучение колонизационных возможностей, проводилась также и на территории Усинского пограничного округа и Урянхайского края. На каком-то этапе к ней подключались даже военные. Например, в 1909 г. (согласно предписанию штаба Иркутского военного округа от 30 апреля 1909 г. за № 251) команде разведчиков 30-го Восточно-Сибирского стрелкового полка под командованием поручика Августуса было поручено «произвести рекогносцировку направления от с. Туренского в верховья р. Оджи и перевала в долину р. Усь к устью Нижней Буйбы для определения наиболее благоприятного направления для проведения грунтовой колесной дороги от устья Нижней Буйбы и до с. Туренского» [11].

В отчете поручика Августуса сохранились и данные по колонизационной емкости Усинского пограничного округа. Так, по его

утверждению, «усинские крестьяне давно уже жаловались на тесноту, на отсутствие свободных земель, пригодных для посева». Вокруг с. Усинского все земли были «уже распаханы, и урожайность их с каждым годом падала». Также были распаханы «все речные долины, все ближайшие елани в тайге, все более или менее удобные склоны гор». По данным Августуса, на «4 000 душ селения приходилось 5 000 дес. удобной земли, считая с пашнями и покосами». При этом количество населения увеличивалось с каждым годом. Единственным на тот момент выходом из этого положения было «переселение тайком, без ведома начальства, на Малый Енисей (Ха-Кем), где земля вольная». На притоке Малого Енисея р. Брени поселилось уже 40 семей, переселение на Уюк оставалось открытым.

В Урянхайском крае в 1915 г. работала экспедиция Красноярского подотдела Русского географического общества. Осенью 1915 г. практически все члены данной экспедиции вернулись в Красноярск, однако там остался молодой начинающий ученый А.П. Ермолаев, который в 1916–1918 гг. самостоятельно проводил исследования Урянхайского края, в числе которых были такие направления, как земледелие и скотоводство местного и русского населения, история русского переселения, наблюдения на Белоцарской (Кызыльской) метеорологической станции и т. д. В экспедиционных исследованиях ему помогали его брат В.П. Ермолаев (как фотограф и счетчик), два переводчика и 2-3 рабочих, которые занимались 8–10 вьючными лошадьми, перевозившими экспедиционное имущество. Так, в 1916 г. А.П. Ермолаеву удалось обследовать площадь размером около 20 тыс. кв. верст в системе р. Кемчик, где проводились, в частности, исследования зон земледелия. К сожалению, в 1918 г., после поездки в Омск, где он делал доклад «по урянхайским делам», проведя пять суток на омском вокзале, А.П. Ермолаев заразился сыпным и брюшным тифом и по возвращении в Красноярск умер [12].

Следует отметить, что почвенно-ботаническими экспедициями Переселенческого управления за 1908–1914 гг. было обследовано в Азиатской России 145 млн дес. земли, из которых 28 млн дес. было призна-

но пригодными для «культурной обработки». Масштабы работ впечатляли; кроме того, в процессе исследований почвенного и растительного покрова Азиатской России составлялись почвенные и ботанические карты ряда территорий, определялись земельно-сельскохозяйственные зоны. Конечно же, не все данные, предоставленные почвенно-ботаническими экспедициями, были точными (в связи со срочностью работ). Это признавали даже петербургские чиновники. Так, в 1913 г. Главное управление землеустройства и земледелия даже заявило, что все исследования и подсчеты в Азиатской России «имеют относительное значение» [13; 14]. Тем не менее, даже по мнению оппозиционного сибирского депутата Государственной Думы Н.Л. Скалозубова, эти мероприятия должны были «заложить фундамент для организации в будущем агрономических мероприятий в Сибири». Справедливо указывая на все издержки почвенно-ботанических исследований на территории Азиатской России, он вместе с тем говорил о Переселенческом управлении следующее: «Сорок грехов ведомству простится, если оно даст Сибири почвенную карту».

Литература

1. Столыпин П.А., Кривошеин А.В. Записка Председателя Совета министров и Главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 г. СПб., 1910. С. 27.
2. Скалозубов Н. О почвенных исследованиях в Сибири // Сибирские вопросы. 1911. № 2-3. С. 16-17.
3. Отчет о почвенно-ботанической экспедиции Л. Кремера в Минусинский уезд в 1907 г. //

ГАКК (Гос. арх. Красноярского края). Ф. 217. Оп. 1. Д. 35. Л. 2-18.

4. Ковалев С.Ф. В поисках вольных земель // Сибирские вопросы. 1911. № 7-8. С. 62-63.

5. Шер А.А. Экспедиция по исследованию южной части Енисейского уезда Енисейской губернии (По данным Отчета инженера Шера) // Вопросы колонизации. 1908. Вып. 2. С. 426-438.

6. Шульга И.А. Почвенные исследования 1908-1909 гг. // Труды почвенно-ботанических экспедиций по исследованию колонизационных районов Азиатской России. / под ред. К.Д. Глинки. СПб., 1913. Ч. 1, Вып. 3. С. 1-9.

7. Драницын Д. Почвенные исследования Западного Заангарья Енисейской губернии 1910 г. // Труды почвенно-ботанических экспедиций по исследованию колонизационных районов Азиатской России. СПб., 1913. Ч. 1., Вып. 1. С. 9-14.

8. Прасолова Л. Почвенные исследования северо-западной части Минусинского уезда. 1910 г. // Труды почвенно-ботанических экспедиций по исследованию колонизационных районов Азиатской России. СПб., 1914. Ч. 1., Вып. 2. С. 1.

9. Предварительный отчет об организации и исполнении работ по исследованию почв Азиатской России в 1910 г. СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих (влад. А.Э. Коллинс), 1911. С. 51-78.

10. Предварительный отчет об организации и исполнении работ по исследованию почв Азиатской России в 1911 г. СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих (влад. А.Э. Коллинс), 1912. С. 51-54.

11. Отчет об экспедиции 1909 г. по Саянскому хребту в пределах Усинского пограничного округа командира разведчиков 30-го Восточно-Сибирского стрелкового полка / сост. О. Августус. Иркутск: Типография Штаба округа, 1910. С. 5.

12. Ермолаев А. Краткий отчет об исследованиях в Урянхайском крае в 1915-1916 гг. // Сибирские записки. 1919. № 4-5. С. 34-39.

13. Тресвятский В. Итоги переселенческого дела за Уралом с 1906 г. по 1916 г. // Вопросы колонизации. 1917. Вып. 20. С. 71.

14. Северьянов М.Д. Государственная земельная политика в Сибири в 20-80-е гг. XX в. // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. № 366. С. 82-86.